

УДК 930.1

DOI: 10.24412/2414-9241-2022-8-185-193

ВОСПИТАНИЕ ИСТОРИКА: ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА РУБЕЖА XIX–XX ВВ.

Евгений Анатольевич Ростовцев

доктор исторических наук,
профессор
Санкт-Петербургского государственного
университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

В статье исследуется институциональный аспект развития исторической науки Санкт-Петербурга в последние десятилетия XIX – начале XX в. В фокусе внимания — процесс вхождения молодого поколения историков в науку в рамках социальных практик, связанных с деятельностью формальных и неформальных институций исторической науки. В этом контексте рассматривается деятельность молодежных и взрослых научных обществ и кружков. Отмечается, что основным местом создания таких институций являлся Санкт-Петербургский (Петроградский) университет, в котором проходила подготовка большинства столичных историков. В статье указывается на общность практик научного общения, вырабатываемых в молодежных университетских организациях, и используемых во «взрослых» научных обществах. Автор указывает на значение научных обществ с точки зрения расширения горизонтов исторической науки, расширения дисциплинарного исследовательского поля, поиска перспектив методологии научных штудий. Подчеркивается автономность университетских и внеуниверситетских научных обществ исторической направленности, выдвигается обоснованное предположение о том, что одной из причин «золотого века» Санкт-Петербургской исторической школы рубежа XIX–XX вв. был инициативный характер важнейших проектов и научных предприятий исторической науки, реализуемых вне государственных бюрократических институций.

Ключевые слова: научные общества, история науки, подготовка ученых, историческая наука, петербургская историческая школа, Санкт-Петербургский университет.

Санкт-Петербург рубежа XIX–XX вв. — несомненный центр интеллектуальной и научной элиты России. В полной мере это касается становления и развития петербургской исторической школы (Ананьич, Панеях, 2000; Дворниченко и др., 2018). В фокусе современных исследований находятся различные проблемы, связанные с антропологическими и корпоративными аспектами жизни этого научного сообщества. В литературе формулируется немало вопросов, касающихся формальных и неформальных институтов исторической науки: как проходил процесс вхождения ученого в науку? как проходило общение между представителями одного (и разных) поколений ученых? какие учреждения и институты являлись местом профессионального общения и работы ученых интересующего нас периода? в каких формальных и неформальных объединениях коммуницировали петербургские историки? каково было отношение к среде научных организаций со стороны власти и других социальных акторов? как строился механизм академического и социального заказа и какова была роль в его формировании формальных и неформальных научных институций? и т. п.

Одним из важных инструментов, способствующих поиску адекватных ответов на эти вопросы, является биографика и профсопология научного сообщества историков Санкт-Петербурга / Петрограда конца XIX – начала XX в. (Петербургская историческая школа; Потехина, 2018). Анализ биографических данных историков, работавших в Санкт-Петербурге / Петрограде в 1880–1917 гг., показывает, что среди 516 человек более 270 окончили Санкт-Петербургский университет, 35 — Санкт-Петербургскую духовную академию, 23 — Высшие женские (Бестужевские) курсы, 20 — Историко-филологический институт, 13 — Археологический институт, 3 — Женский педагогический институт.

Из «варягов» больше всего (29) было выпускников Московского университета.

Эти данные демонстрируют, что университет и тесно связанные с ним Бестужевские курсы (которые условно называли «женским университетом») играли ключевую роль в становлении основной массы (порядка 60%) столичных историков. В этом контексте особое значение имеют формальные и неформальные университетские организации, где походило научное общение и профессиональное созревание петербургских историков.

Первым по времени следует считать возникшее в 1882 г. Студенческое научно-литературное общество, о котором в историографии говорилось не мало, и часто в политическом контексте. Если первоначально возникновению общества способствовало стремление властей к политическому контролю и слежке за студенчеством (см., напр.: Абдулина, 2021), то впоследствии Общество, по существу, стало своеобразным прикрытием формирующегося революционного кружка А.И. Ульянова (Казакевич, Мандель, 1967). Эти обстоятельства, несомненно, важны для понимания социального контекста развития науки. Однако следует признать, что основная роль этого общества, возглавлявшегося известным славистом, профессором историко-филологического факультета О.Ф. Миллером, заключалась все же в другом — в становлении атмосферы тесного и напряженного научного общения вступающего на научную стезю поколения студентов 1880-х гг., в том числе молодых историков (см., например: Ольденбург, 1947). Работа общества строилась вокруг обсуждения научных работ (рефератов) его членов, в котором активное участие принимали как студенты разных курсов, так и «оставленные при университете» (аспиранты), а также преподаватели. В числе молодых историков, прошедших через это научное общение, — ведущие петербургские историки первых десятилетий XX в. — С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург, Н.Д. Чечулин, И.М. Гревс, И.А. Шляпкин, А.К. Бороздин, А.А. Корнилов, В.Н. Латкин и многие другие.

В рамках общества проходило и неформальное общение университетской молодежи, что способствовало образованию кружков различного типа, в частности, знаменитых кружка «русских историков» (лидер — будущий профессор русской истории С.Ф. Платонов) и «Ольденбургского» кружка (лидерами которого были братья С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, Д.И. Шаховской, А.А. Корнилов, А.А. Кауфман, М.И. Свешников, И.М. Гревс, А.С. Лаппо-Данилевский) (см., например: Бухерт, 1999; Гревс, 1918). Эти неформальные содружества ученых впоследствии сыграли немалую роль в формировании различных корпоративных «партий» внутри профессионального сообщества петербургских историков.

В связи с делом А.И. Ульянова Студенческое научно-литературное общество в 1887 г. было закрыто. Между тем, традиции неформального научного студенческого общения сохранялись не только в форме «нелегальных» научных собраний на квартирах их участников, но и внутри университета. Примечательно, что кураторами новых студенческих научных штудий в 1890-е гг. выступили с разрешения ректора П.В. Никитина недавние участники закрытого Студенческого научно-литературного общества — молодые преподаватели, приват-доценты университета. Первой такой студенческой научной организацией стал семинар приват-доцента юридического факультета М.И. Свешникова, который в первой половине 1890-х гг. был местом обсуждения различных вопросов социологии, политической экономии, экономической истории, где выдвигались студенческие лидеры как в научной, так и политической сфере. Среди его участников — П.Б. Струве, Б.В. Никольский, Н.П. Павлов-Сильванский, Н.В. Водовозов, А.Н. Потресов и др. (Оболенский, 2015: 82–83). Другой организацией, созданной в 1894 г. на историко-филологическом факультете, стали «Беседы по проблемам факультетского преподавания» во главе с А.С. Лаппо-Данилевским. Как показано в литературе, «Беседы» являлись попыткой возрождения Студенческого научно-литературного общества (Завьялов, 2006: 117–118). После легализации студенческих научных кружков

«Беседы» перетекли в 1904 г. в Студенческое научно-литературное общество при историко-филологическом факультете (Ростовцев, 2004: 76–77), а, затем, с 1909 г., в Исторический кружок при университете (Романов, 1920).

Отметим, что после 1903 г. в условиях как стремительного роста числа студентов, так и открытия легальной возможности создания научных кружков, их количество в университете быстро увеличивается (в 1900–1910-е гг. было зарегистрировано около 80). Студенческие кружки не только позволяли окончившим университет студентам принимать участие в его академической и культурной жизни, но и, по аналогии с преподавательскими обществами, привлекали в университет заинтересованную в тех или иных кружковых занятиях петербургскую молодежь. Среди важнейших кружков, связанных с исторической наукой, помимо упомянутого Исторического, нужно отметить Секцию классической филологии (Студенческое общество классической филологии); Студенческий библиографический кружок; Кружок археологии, Дипломатический кружок, Кружок ориенталистов и другие (Ростовцев, 2017: 303–313). Все кружки возглавлялись преподавателями университета, которые рассматривали их как важную педагогическую трибуну. Подчеркнем, что кружки не только создавали устойчивую систему научных коммуникаций у начинающих ученых одного поколения, но и являлись местом приобретения ими полезного опыта, будучи организованными и руководимыми их старшими коллегами по образцу взрослых научных обществ.

По мере профессионального становления, прохождения карьерных ступеней и обрядов корпоративной инициации (магистерские экзамены, защита диссертации, начало приват-доцентуры) петербургский историк рубежа XIX–XX вв. постепенно перемещался из «молодежных» во взрослые научные организации. Подчеркнем, что помимо университетских ученых эти институции объединяли представителей всех заметных учебных заведений и научных организаций столицы, а зачатую и ряд

иногородних ученых. Напомним, что в последние десятилетия XIX – начале XX в. при университете возникает серия гуманитарных научных обществ, так или иначе соприкасающихся с занятиями историей, — Юридическое (1877), Неофилологическое (1885), Историческое (1889), Философское (1897). На стыке естественных и гуманитарных наук действовало Антропологическое общество (1888), в сферу занятий которого входили в том числе этнографические и археологические изыскания (Тихонов, 2004). Хотя по возможностям и финансированию эти структуры уступали аналогичным университетским обществам в других областях знания (прежде всего, знаменитым Обществу естествоиспытателей и Физико-химическому обществу), они играли существенную роль в формировании ландшафта исторической науки, будучи фактически автономными и лишь формально зависимыми от администрации университета. Например, направленность деятельности Исторического общества во многом была связана с интересами его основного организатора и бессменного лидера, профессора всеобщей истории Н.И. Кареева и, что примечательно, расходилась с основной линией историко-филологического факультета, где долгое время господствовало т. н. «эмпирическое» (источниковедческое) направление. Однако именно благодаря такой научной ориентации в обществе вызрела «Секция теории истории и социологии» во главе с профессором М.М. Ковалевским. Ее учредителями, помимо председателя, выступили видные члены университетской корпорации — Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Л.И. Петражицкий, М.И. Туган-Барановский, С.Л. Франк, П.Ю. Струве, Е.В. Тарле, Е.В. де Роберти, А.А. Чупров и др. Как отмечается в литературе, ее создание было одной из попыток институализации социологической науки в России, предшествовавшей образованию в 1916 г. Русского социологического общества (Долгова, 2013; Малинов, 2013). Эта ситуация показывает, как деятельность в рамках научных обществ зримо расширяла дисциплинарные и методологические горизонты науки. Неслучайно фактически все лидеры

петербургской историографии рубежа XIX–XX вв. принимали участие в целом ряде подобных структур. Наряду с университетскими среди многочисленных исторических обществ, разумеется, следует отметить также Русское историческое общество (Лепехин, 2016), Общество любителей древней письменности (Мещенина, 2010) и Русское археологическое общество (Жебелев, 2016). Каждое из упомянутых обществ сыграло уникальную роль в развитии отечественной историографии, но объединяли их зачастую одни и те же историки, задававшие направление исторической науки начала XX в.

Таким образом, профессиональные практики исторической науки Санкт-Петербурга рубежа XIX–XX вв., ее достижения, механизмы развития в значительной степени определялись общественными (инициативными) проектами ученых, а не бюрократическими государственными институциями. Можно предположить, что в этом заключается одна из причин «золотого века» петербургской исторической школы.

Список литературы

Абдулина Б.М. Священная дружина и петербургское студенчество (1881–1882 гг.) // Клио. 2021. № 5. С. 104–111.

Ананьич Б.В., Панях В.М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5. С. 105–113.

Бухерт В.Г. С.Ф. Платонов и Кружок русских историков // Археографический ежегодник за 1999 г. М.: Наука, 2000. С. 126–143.

Гревс И.М. За культуру. Воспоминания // Былое. 1918. № 12. С. 42–88.

Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. «Петербургская историческая школа» XVIII – начала XX вв.: историографический контекст и методы исследования // Былые годы. 2018. Т. 49. Вып. 3. С. 1046–1060.

Долгова Е.А. Документы о деятельности Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского (1916–1923) // Клио. 2013. № 12. С. 67–70.

Завьялов Д.А. Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: РГПУ, 2006. 338 с.

Жебелев С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования, 1897–1921: исторический очерк: приложение

Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. М.: Индрик, 2017. 670 с.

Казакевич Р.А., Мандель С.З. Научная и культурно-просветительская деятельность прогрессивного студенчества 80-х годов XIX века: Студенческое научно-литературное общество Петербургского университета. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. 75 с.

Лепехин М.П. Русское историческое общество, 1866–1920 // Юбилейный сборник Российского исторического общества: 150 лет со дня основания Русского исторического общества / Под ред. и с предисл. С.Е. Нарышкина. М.: [Кучково поле], 2016. С. 9–64.

Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский — первый председатель Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3. С. 8–16.

Мещенина А.А. Историк по призванию (к биографии С.Д. Шереметева) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 45–62.

Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. М.; Берлин: Директ-медиа, 2015. 766 с.

Ольденбург Е.Г. Студенческое научно-литературное общество при С.-Петербургском университете // Вестник Ленингр. ун-та. 1947. № 2. С. 145–155.

Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX в.) (2016–2019): информационный ресурс / Ред. коллегия: Т.Н. Жуковская, А.Ю. Дворниченко (руковод. проекта, отв. ред.), Е.А. Ростовцев (отв. ред.), И.Л. Тихонов. Биографика СПбГУ. Санкт-Петербургский государственный университет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bioslovhist.spbu.ru/histschool.html> (дата обращения: 01.11.2022).

Потехина И.П. Портал «Биографика СПбГУ» и новые возможности в изучении петербургской медиевистики // Средние века. 2018. Т. 79. № 3. С. 180–195.

Романов Б.А. А.С. Лаппо-Данилевский в Университете (две речи) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 181–188.

Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НРИИД, 2004. 347 с.

Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: учение сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.

Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 328 с.

EDUCATION OF A HISTORIAN: FORMAL AND INFORMAL INSTITUTIONS OF HISTORICAL SCIENCE IN ST. PETERSBURG AT THE TURN OF THE 20th CENTURY

Evgeny A. Rostovtsev

Doctor of History, Professor,
Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: e.rostovtsev@spbu.ru

The article examines the institutional aspect of the development of the historical science of St. Petersburg in the last decades of the 19th and early 20th centuries. The focus of attention is the process of entry of the young generation of historians into scholarly world within the framework of social practices associated with the activities of formal and informal institutions of historical science. In this context, the activities of youth and adult scientific societies and circles are considered. The author consistently examines student scientific societies and circles (starting from the 1880s) and notes a significant growth of these organizations. The article reveals that the number of adult scientific societies associated with historical science increased simultaneously with student ones. It is noted that the St. Petersburg (Petrograd) University appeared to be the main place for the creation of such institutions, where most of the capital's historians were trained. The article points to the commonality of scientific communication practices developed in youth university organizations and used in "adult" scientific societies. The author points to the significance of scientific societies in terms of expanding the horizons of historical science, expanding the disciplinary research field, and searching for prospects for the methodology of scientific studies. The autonomy of university and non-university scientific societies of historical orientation is emphasized; a valid assumption is put forward that the initiative nature of the most important projects and scientific enterprises of historical science, implemented outside the state bureaucratic institutions, was one of the reasons for the "golden age" of the St. Petersburg historical school at the turn of the 20th century.

Keywords: scientific societies, history of science, training of scientists, historical science, St. Petersburg School of History, St. Petersburg University.